

Ю. М. Шор¹

РОССИЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМА ГУМАНИТАРНОСТИ КУЛЬТУРЫ

Мы снова живем в переломное время, время выбора. Мир на распутье. Подвергаются сомнению не какие-либо отдельные фрагменты, частности — под вопросом общие направления развития человечества, его геополитические, экономические, национально-культурные стратегии. По всему видно: нужны не косметические корректировки, а радикальные перемены. Иллюзия того, что американизированный, либерально-демократический, рыночный, электронно-технократический тип цивилизации — единственный (во всяком случае «самый прогрессивный», «самый современный»), опрокидывается специфической геополитической и культурной динамикой других регионов мира (Латинская Америка, Япония, Китай и весь Азиатско-Тихоокеанский регион, арабский мир). К специфическим вариантам развития, как это опять становится ясным, относится и Россия. Вопрос, видимо, стоит так: удастся нам вписаться в общемировой порядок, в планетарные информационные, экономические и политические структуры, не пожертвовав при этом своим своеобразием, своими традициями и особенностями, или мы погибнем, слепо и бездумно подгоняя себя под общезападные стандарты, без разбору заимствуя «свое» и «чужое».

Хочется верить, что 1990-е гг. не прошли для России даром. Пытаясь преодолеть пороки «развитого социализма», реформы 1990-х обнажили страшный лик того, что пришло на смену. В который уже раз стала ясна бесперспективность механического перенесения западной экономической, политической, правовой и культурной модели на Россию. Рельефно высветилась обратная сторона «свободного рынка» с его принципом «все на продажу» и культом прибыли, катастрофичность лозунга «самодовлеющей свободы», разрушение и обесценивание самого принципа социальной справедливости. Для сознания интеллигенции наиболее острыми оказались культурные тупики: выход на авансцену самодовлеющей ценности потребления, замена принципа самореализации личности принципами комфорта и удовольствия, прагматизм и ориентация исключительно на успех, засилье «массовой псевдокультуры», «развлекухи», «гламура», определенное обесценивание духовного начала в человеке, вытеснение его на обочину жизненной практики.

Особенностью современного этапа развития человечества является то, что любые конкретные коллизии современной жизни несут в себе дополнительный метафизический смысл: за национальными распрями и требованиями самоопределения — проблемы этнической самоидентификации, поиск своего места в мире; за агрессивностью «гламура» и потребительства — возросшая пассионарность людских страстей, низших пластов человеческой природы; за борьбой в области прав человека — драматизм взаимоотношений индивида и социума; за религиозными распрями и амбициями — поиски своего типа ментальности, своего духовного пути.

Да и за нашими тревогами, как это ни банально звучит, — старая проблема своеобразия российской культуры, ее особенностей, специфических ценностей, представляющих своеобразный вклад в общемировое развитие. Проблема эта, как хорошо известно, не сегодня родилась, за ней давняя, мощная традиция: В. Одоевский и П. Чаадаев, А. Хомяков и И. Киреевский, В. Соловьев и Ф. Достоевский, С. Франк и И. Ильин, Д. Лихачев и В. Кожин... Надо только в правильном ключе ответить на вопрос: а почему, собственно говоря, мы озабочены этой проблемой? Совсем не потому, что хотели бы доказать себе и другим, что «мы не такие, как все», что «нам за граница не указ» и т. д. «Свое» — вдохновляет, является источником жизненной энергии, глубоких и важных переживаний, порождает желание любить и работать. «Свое» — это исходное, исконное в нас, то, что составляет идущие из прошлого базисные структуры нашего менталитета. «Свое» — это найденные в реальности аналоги нашего сознания и самопонимания. Культурная традиция — не что иное, как «подключение» к своим корням. И при всей насущности «земных проблем» — экономических, экологических, социальных, вопросов национально-государственного устройства — важно понять, что проблема культуры имеет исключительное значение, как подчеркивал это Д. С. Лихачев. Но понимать культуру надо именно как идеальную сущность, духовно-смысловой компонент человеческого существования, его ценностный слой.

Не боясь упреков в некоторой идеализации, попытаемся тезисно выделить некоторые, на наш взгляд, наиболее важные ценности российской нации и культуры, которые необходимо либо сохранить, либо вновь восстановить в своих правах.

1. Целостность истолкования мира и культуры. Для российской мысли всегда было характерно понимание недостаточности, узости, односторонности «дифференцирующего» подхода к знанию, односторонности абсолютизации «предметного разделения». Типично стремление мыслить об универсуме, постигать целое, удерживать в сознании общую картину. Особенно характерно это для человековедческого знания. В качестве незримой предпосылки русской науки всегда витал образ Человека, не разделенный на бесчисленные «предметы», а целостный, всесторонний, во всем богатстве своих определений, увиденный с позиций действенного гуманизма. При этом использовались ресурсы не только научного, но и религиозного, художественного, философского, нравственного сознания.

2. «Антитехнократизм» русской мысли, внутренне присущая ей гуманитарность. При всем понимании огромной роли науки и техники — отвержение технократически-позитивистского взгляда на цели и задачи человека, его миссию в современном мире. Как бы следуя заветам Августина Блаженного, русская мысль хочет говорить не о «внешнем» только человеку, а главное — о «человеке внутреннем». Технократизм, как известно, видит главную задачу в устройении человека на земле, а природный мир рассматривает как объект использования,

¹ Профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук, профессор.

утилизации, совокупность сырья и материалов. Русская мысль сосредоточила внимание на «внутреннем человеке», на его духовно-нравственной составляющей и увидела в этом определяющую сторону человеческого бытия.

3. Понимание культуры прежде всего в качестве духовной сущности, идеально-смыслового измерения существования социума. Поэтому так важна для русской мысли творческая составляющая человека; поэтому для традиций нашего образования типично понимание его как личностного созидания, как самостроительства, «умного делания». По этой же причине российская философская культурология настаивает на четком разделении феноменов «культура» и «цивилизация»: одно — «внут-

реннее», другое — «внешнее». Отсюда же истолкование образовательного процесса не просто в качестве безликого «получения знаний», а как живого культурного диалога, в который равноправными субъектами вступают учитель и ученик.

4. Наконец, изначальная экзистенциальность русской мысли, сочувственное понимание человеческой личности, ее болей и радостей, удач и неудач, «немых страданий», страстей — всего, что потаенно, свято хранимо в нас. Отсюда же — не просто познание человека, а сочувствие ему, сопереживание, то самое глубинное понимание, о котором писал Вильгельм Дильтей.

Русская мысль — живой соучастник человеческого бытия.